

Свами Вивекананда. МОЙ УЧИТЕЛЬ.

Свами Вивекананда.
Аламеда, 1900.

Две лекции, прочитанные Вивеканандой в обществе «Веданта» в Нью-Йорке в феврале 1896 г. Посвящены Рамакришине Парамахамсе, духовному учителю Вивекананды. На русском языке с сокращениями были опубликованы в 1907 г. в сборнике «В долине скорби», подготовленном к печати И. Ф. Наживиным.

Перевод выполнен С. Д. Серебряным по изданию: The Complete Works of Swami Vivekananda, v. 4. Calcutta, 1989.

«Всякий раз, когда добродетель убывает, а порок торжествует, я прихожу, чтобы помочь человечеству»¹, – провозглашает Кришна в «Бхагавадгите». Всякий раз, когда этот наш мир вследствие своего роста, вследствие новых обстоятельств нуждается в очередном переустройстве, в него приходит силовая волна; и поскольку человек действует в двух сферах, духовной и материальной, то и эти волны приходят в обе сферы. Что касается сферы материальной, то в Новое время здесь главная роль была за Европой; что же касается сферы духовной, то в этом отношении главная роль на протяжении всей истории была за Азией. Сегодня человек вновь нуждается в духовном переустройстве; сегодня, когда материальные идеи находятся на вершине славы и могущества, сегодня, когда человек вполне может забыть о своей божественной природе из-за все растущей зависимости от материи и может превратиться в простую машину для делания денег, новое переустройство необходимо; голос уже прозвучал, и сила грядет, чтобы разогнать нависшие тучи материализма. Приведена в движение сила, которая в недалеком будущем вновь заставит человечество вспомнить о его подлинной природе, и снова местом, откуда явится эта сила, будет Азия.

Наш мир устроен так, что в нем происходит разделение труда. Бессмысленно утверждать, что один человек может и должен обладать всем. И однако, как ребячески мы наивны! Ребенок в своем невежестве думает, что его кукла – это единственное достояние, которого стоит желать во всей вселенной. Так и нация, которая велика достоянием своей материальной силы, думает, что только этого и стоит желать, что только это и есть цивилизация, а если существуют другие нации, которые не заботятся о материальном достоянии и не обладают материальной силой, то такие нации не пригодны для жизни и все их существование бесполезно. С другой стороны, иная нация может думать, что материальная цивилизация сама по себе совершенно бесполезна. С Востока уже прозвучал голос, который однажды сказал миру: если человек обладает всем, что только есть под солнцем, но лишен духовности, то какая в этом польза?² Таков восточный характер, а другой – это западный характер.

Каждый из этих характеров обладает своим величием, у каждого – своя слава. Переустройство мира, которое должно произойти теперь, будет гармонизацией, соединением этих двух идеалов. Для человека Востока мир духа так же реален, как для человека Запада – мир ощущений. В духовном человек Востока обретает все, что ему нужно, все, на что он уповает; в духовном он обретает все что делает для него жизнь реальной. С точки зрения Запада, человек Востока – всего лишь мечтатель, погруженный в свои грезы. Но с точки зрения Востока, именно человек Запада – всего лишь мечтатель, играющий в эфемерные игрушки; Востоку смешно, что взрослые мужчины и женщины придают столь большое значение той горсти материи, с которой раньше или позже им все равно придется расстаться. Каждый из двух называет другого мечтателем. Но идеал Востока столь необходим для прогресса человеческого рода, как и идеал Запада, и я даже думаю, что более необходим. Машины никогда не делали человека счастливым и никогда не сделают. Тот, кто попытается убедить нас в обратном, будет утверждать, что счастье заключено в машине, но счастье всегда – в уме человека. Лишь тот человек, который властвует над своим умом (mind), может стать счастливым, и никакой другой. А это могущество машин, что оно такое в конце концов? Почему человек, умеющий пустить по проволоке электрический ток, должен называться очень великим и очень умным человеком? Не совершает ли природа каждый миг нечто в миллион раз более великое? Почему бы тогда не пасть на колени перед природой и не поклониться ей как божеству? Какая польза в том, чтобы весь мир был в вашей власти, чтобы подчинить себе каждый атом во вселенной? Это не сделает вас счастливым, если в вас самих нет силы и способности к счастью, если вы не покорите себя. Человек рожден, чтобы покорить природу, это верно,

1. Пересказ Бхагаватгиты, IV, 7.

2. Соотносится с Евангелием от Матфея, 16, 26; Евангелием от Марка, 8, 36 («Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит?»).

но Запад понимает под «природой» лишь физический или внешний мир. Спору нет, эта внешняя природа величественна – с ее горами, океанами, реками, с ее бесконечными силами и бесконечным многообразием. Но есть еще более величественный мир – внутренний мир человека; он выше солнца, луны и звезд, выше этой нашей земной обители, выше физической вселенной; он не вмещается в пределах этих наших маленьких жизней, и он образует особую область исследований. В этой области превосходство – за Востоком, так же как в области материальной – превосходство за Западом. Поэтому всякий раз, когда необходимо духовное переустройство, оно должно приходиться с Востока. Конечно, если Восток хочет узнать, как делать машины, он должен сесть у ног Запада и учиться у него. Но если Запад хочет получить знание о духе, о Боге, о душе, о смысле и тайне вселенной, он должен сесть у ног Востока и учиться всему этому у него.

Я хочу представить вам жизнь одного человека, который привел в движение силовую волну духа в Индии. Но прежде чем говорить о жизни самого этого человека, я попытаюсь поведать вам тайну Индии, попытаюсь объяснить, что значит Индия. Если в Индию приедут те, чьи глаза ослеплены блеском материального мира, чья жизнь посвящена еде, питью и наслаждениям, чей идеал – обладание землями и золотом, для кого удовольствие – это лишь удовлетворение чувств, для кого Бог – деньги, для кого цель жизни – беззаботное и комфортное существование в этом мире, а затем смерть, чей ум никогда не смотрит вперед и кто редко задумывается о чем-либо более высоком, чем те объекты чувств, среди которых они живут, – если в Индию приедут такие люди, то что они там увидят? Нищету, грязь, суеверие, тьму невежества и уродство повсюду. Почему? Потому что, с их точки зрения, просвещенность – это добротная одежда, образованность, хорошие манеры. В то время как люди Запада не щадили усилий, чтобы улучшить свое материальное положение, Индия избрала иной путь. Там, в Индии, живут люди единственные в мире, которые на всем протяжении истории никогда не пересекали своих границ, чтобы завоевывать кого-либо, которые никогда не желали того, что принадлежит другому, и чья единственная вина была в том, что земли их плодородны, что упорным трудом они накапливали богатства и тем самым возбуждали в других народах желание приходить и грабить. Они, эти люди, смиряются с тем, что их грабят и называют при этом варварами; в ответ они хотят дать миру видения Высшего, раскрыть перед миром тайны человеческой природы, сорвать завесу, скрывающую истинного человека, потому что им ведома эта греза, потому что они знают, что за всем этим материализмом живет истинная, божественная природа человека, которую не может осквернить никакой грех, не может запятнать никакое преступление, не может коснуться никакая похоть, которую огонь не может сжечь, а вода – замочить, которую жар не может иссушить, смерть – убить. И для них эта истинная природа человека столь же реальна, как любой материальный объект – для чувств человека Запада.

У вас, людей Запада, есть смелость, чтобы броситься с криком «ура» на пушки неприятеля, у вас есть смелость, чтобы во имя патриотизма подняться и отдать жизнь за родину, а у них есть смелость умереть во имя Бога. В Индии, когда человек провозглашает, что этот мир – всего лишь греза, он сбрасывает с себя одежды и отказывается от имущества, чтобы доказать истинность своих мыслей и своей веры. В Индии, когда человек познает, что жизнь вечна, и хочет расстаться со своим телом будто с соломинкой, он просто садится на берегу реки, погружаясь в созерцание. Героизм индийцев заключается в том, что они готовы встретить смерть как брата, потому что они убеждены, что для них смерти нет. В этом и заключается их сила, сделавшая их непобедимыми на протяжении столетий угнетения, иноземных нашествий и тирании. Этот народ жив и сегодня; в этом народе, даже во дни страшнейших бедствий, никогда не переставали рождаться гиганты духа. Азия порождает гигантов духовности, так же как Запад порождает гигантов политики, гигантов науки.

В начале XIX века, когда в Индию стало проникать влияние Запада, когда западные завоеватели с мечом в руках пришли доказывать потомкам мудрецов, что они – всего лишь варвары, народ, предающийся пустым грезам, что их религия – всего лишь мифология, что Бог, душа и все, к чему они стремились, – просто слова без какого бы то ни было смысла, что тысячи лет борьбы и стремлений, тысячи лет бесконечного отрешения были тщетны и ни к чему не привели, среди молодежи в университетах возник и стал живо обсуждаться вопрос, не было ли все прежнее существование Индии ошибочным, не завершилось ли оно банкротством и не следует ли начать все сначала на западный лад, разорвать старые книги, сжечь сочинения старых философов, прогнать своих проповедников и разрушить свои храмы. Разве западный завоеватель, показавший истинность своей религии при помощи меча и пушки, не сказал, что все прежние взгляды и обычаи – всего лишь суеверие и идолопоклонство? Дети, воспитанные и обученные в новых школах, устроенных на западный лад, с малых лет впитывали такие идеи; поэтому и неудивительно, что возникали такие сомнения. Но вместо того, чтобы отбросить суеверия и действительно искать истину, сделали мерилом истины вопрос: «Что говорит Запад?» Долой жрецов, сожжем Веды, потому что так сказал Запад. Чувство возникшего таким образом беспокойства породило в Индии волну так называемых реформ.

Если вы хотите быть истинным реформатором, необходимы три вещи. Первое – чувствовать и сочувствовать. Сочувствуете ли вы действительно вашим братьям? Чувствуете ли вы действительно, что в мире много нищеты, много невежества и суеверия? Чувствуете ли вы действительно, что люди – ваши братья? Охватила ли эта идея все ваше существо? Течет ли она в вашей крови? Бьется ли в ваших венах? Проникла ли она в каждый нерв, в каждую клеточку вашего тела? Наполнились ли вы этой идеей сочувствия? Если да, то это только первый шаг.

Вы должны затем подумать о том, нашли ли вы какое-нибудь лекарство? Старые понятия могут и в самом деле быть сплошь суевериями, но в этой массе суеверий есть золотые самородки истины. Отыскали ли вы способ сохранить это золото, отделив его от мусора? Если да, то это будет второй шаг; и необходим еще один.

Каковы ваши побудительные мотивы? Уверены ли вы, что вами движет не стремление к богатству, не жажда славы или власти? Уверены ли вы, что сможете защитить свои идеалы и продолжать ваше дело даже в том случае, если весь мир захочет вас сокрушить? Уверены ли вы, что знаете, чего хотите, и будете исполнять свой долг, и только долг, даже с риском для жизни? Уверены ли вы, что будете упорно добиваться своего до тех пор, пока в вас теплится жизнь, до последнего удара сердца?

Если да, то, значит, вы – истинный реформатор, вы – наставник, вы – Учитель, вы – благословение для человечества. Но человек так нетерпелив, так близорук. У него нет терпения ждать, нет способности предвидеть. Он хочет править, он хочет немедленных результатов. Почему? Потому что ему хочется самому пожать плоды, потому что в действительности ему нет дела до других. Долг ради долга – это совсем не то, чего он хочет. «На труд ты имеешь право, но не на плоды труда»³, – говорит Кришна. Зачем цепляться за результаты? Нам принадлежат лишь обязанности, лишь долг. А результаты пусть позаботятся сами о себе. Но у человека нет терпения. Он хватается за любую схему-программу. Большое число потенциальных реформаторов во всем мире могут быть отнесены к этой категории.

Как я уже сказал, идея реформ появилась в Индии тогда, когда стало казаться, что волна материализма, обрушившаяся на ее берега, смывает учения древних мудрецов. Но народ и прежде выносил удары тысяч таких волн, волн перемен. Эта волна была не столь разрушительна, как другие. В течение сотен лет волна за волной захлестывали, словно наводнения, землю Индии, ломая и круша все на своем пути; вот заблестал меч, и возглас «Победа Аллаху!» разорвал небеса Индии; но наводнения спадали, оставляя идеалы народа неизменными.

Народ Индии нельзя убить. Он бессмертен и будет бессмертным до тех пор, пока основой и опорой его остается дух, пока люди Индии не откажутся от своей духовности. Нищими они могут оставаться, бедными и неимущими, грязь и уродство могут окружать их вечно; но пусть они не отказываются от своего Бога, пусть они не забывают, что они – потомки великих мудрецов древности. Подобно тому как на Западе даже простой человек с улицы стремится возвести свою родословную к какому-нибудь разбойнику-барону средних веков, так в Индии даже, Император, восседающий на троне, стремится возвести свою родословную к какому-нибудь нищему мудрецу, жившему в лесу, носившему одежду из коры, питавшемуся дарами природы и общавшемуся с Богом. Вот какую родословную мы хотим иметь; и пока святость в таком великом почете, Индия не может погибнуть.

Многие из вас, вероятно, читали статью профессора Макса Мюллера в недавнем номере журнала «Деятельный век», озаглавленную «Истинный Махатма»⁴. Жизнь Шри Рамакришны примечательна тем, что она была живой иллюстрацией тех идей, которые он проповедовал. Возможно, она покажется несколько романтической вам, живущим на Западе, в атмосфере, которая совершенно иная, не такая, как в Индии. Но, возможно, тем интересней для вас будет то, что я расскажу, потому что вы сможете увидеть в новом свете вещи, о которых многие уже наверняка читали.

Итак, в то время как в Индии начинались разнообразные реформы⁵, в одной из глухих деревень Бенгалии, в бедной брахманской семье 18 февраля 1836 года родился ребенок. Его отец и мать были людьми очень правочерны-

3. Пересказ Бхагаватгиты., 11, 47.

4. Появление в западной печати имени Рамакришны связывается с публикацией в январском номере журнала «Imperial and Quarterly Review» за 1896 г. статьи бывшего профессора санскрита в Калькутте С. Х. Тони, озаглавленной «Современный индусский святой». Через полгода Макс Мюллер напечатал статью «Истинный Махатма» (август 1896 г.), а двумя годами позднее выпустил книгу «Рамакришна Парамахамса. Его жизнь и учение». Русская востоковедная общественность незамедлительно откликнулась на появление книги Макса Мюллера – ценнейший, по существу, источник по изучению воззрений Рамакришны, не оставившего после себя, как известно, рукописного наследия. На заседании Восточного Отделения Русского археологического общества в декабре 1899 г. С. Ф. Ольденбург сделал сообщение о выходе в свет книги Макса Мюллера и изложил ее содержание.

Русский ученый продемонстрировал критическое отношение к книге: «Это не вполне жизнеописание, а отчасти и житие: ученик, несмотря на очевидные приложенные им старания, не мог откинуть многих черт жизни учителя, в существовании которых он сам не сомневался, но которые мы, конечно, отнесем к легенде». (Записки Восточного Отделения имп. Русского археологического общества, т. XII, вып. II-III. СПб., 1899).

5. Первая треть XIX в. – период активной деятельности первых реформаторов индуизма. Ее зачинателем считают Р. М. Рая, образовавшего в Калькутте в 1828 г. общество Брахмо Самадж, вокруг которого объединились его единомышленники. Критике подвергались многие положения теории и практики индуизма: идолопоклонство, представления о доминирующей роли брахманов в обществе, обязательность исполнения дорогих и пышных обрядов и др. Создавался круг представлений, выходящий за рамки традиционного учения: призыв к монотеизму, элементы скептического отношения к авторитету древних священных текстов и традиций, принижение значения внешней, обрядовой стороны богопочитания и др.

ми. А жизнь истинно правоверного брахмана – это постоянное самоотречение⁶. Круг дозволенной ему деятельности весьма ограничен, в особенности правоверному брахману не дозволено заниматься каким-либо мирским предпринимательством. Он должен был жить дарами и приношениями, но имел право получать их отнюдь не от каждого. Можете себе представить, сколь строга и сурова такая жизнь. Вы часто слышали о брахманах и их жреческом призвании, но лишь немногие из вас когда-либо задавали себе вопрос, почему эта удивительная группа людей имеет такую власть над своими соотечественниками. Брахманы – самые бедные в своей стране; секрет их силы и власти – в их самоотречении. Они никогда не стремятся к богатству. Это беднейшее жреческое сословие в мире и потому – самое могущественное. При всей их бедности жена брахмана никогда не позволит бедному путнику пройти деревней без того, чтобы не дать ему какой-либо еды. Это считается высшим долгом матери в Индии; именно потому, что она мать, ее долг – есть последней, во время семейной трапезы; она должна позаботиться о том, чтобы все поели прежде нее. Вот почему мать в Индии почитают как Бога. Та конкретная женщина, мать ребенка, о котором идет речь, была именно такой индусской матерью. Чем выше каста, тем больше ограничений. Люди низших каст могут есть и пить все, что им хочется, но чем выше место на социальной шкале, тем больше появляется ограничений; что же касается высшей касты, брахманов, наследственного жречества Индии, то их жизнь, как я уже сказал, ограничена многими запретами. По сравнению с обычаями Запада их жизнь – непрерывная аскеза. Индусы, вероятно, самый замкнутый в себе народ. Они обладают великим упорством, как англичане, но, пожалуй, еще более сильным. Когда они принимают какую-то идею, они доводят ее до логического конца и держатся за нее из поколения в поколение, пока что-то не получается. Дайте им идею – и нелегко будет взять ее обратно; но трудно заставить их воспринять и усвоить новую идею.

Правоверные индусы, таким образом, очень замкнуты в самих себе; они живут исключительно в мире своих мыслей и чувств. Их жизнь расписана до мельчайших деталей в наших древних книгах⁷, и за какую-нибудь мелочь они держатся с несокрушимой твердостью. Они скорее будут голодать, чем примут пищу, приготовленную человеком, не принадлежащим к их собственной маленькой подкасте. Но при всем том их убеждения истовы и в высшей степени искренни. Такая сила веры и религиозной жизни часто встречается среди правоверных индусов, потому что их правоверие основано на непоколебимом убеждении в его истинности. Мы можем не считать за истину все то, за что они держатся с таким упорством, но для них-то это истина.

Так, в наших древних книгах написано, что человек должен всегда быть милосердным до последних пределов. Если человек умрет с голоду, чтобы помочь другому человеку, чтобы спасти его жизнь, – это прекрасно; считается, что именно так человек и должен поступать. И от всякого брахмана ждут, что он в случае необходимости способен выполнить эту заповедь до самых последних пределов. Те, кто знаком с литературой Индии, могут вспомнить прекрасную древнюю историю о таком предельном милосердии, рассказанную в «Махабхарате», – историю о том, как целая семья умерла с голоду, но отдала последнюю свою трапезу нищему. И это не преувеличение, такое случается и ныне.

Родители моего Учителя были именно таковы. Они были очень бедны, и все же нередко мать голодала по целым дням, чтобы помочь другому бедному человеку. И вот у них родился ребенок, и с самого детства это был необычный ребенок. Он помнил свои прежние рождения, осознавая цель, ради которой пришел в мир, и отдавал все свои

6. Согласно переписи населения, проведенной в Индии в начале XX в., в стране насчитывалось более двух тысяч каст, и многие из них имели к тому же подкасты. Индуизм объясняет наличие такого числа каст тремя причинами: касты по рождению; касты, появившиеся оттого, что кто-то лишился своей касты и перешел в другую; касты, возникшие от смешанных браков. Все они объясняются, согласно традиции, дальнейшим дроблением той системы четырех варн (брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры), что некогда существовали в индийском обществе, обеспечивая его процветание, а теперь (в век Кали) подвергались искажениям. Такая система предполагала к тому же и существование так называемых «неприкасаемых», статус которых был столь низок, что они вообще не включались в четырехварную систему.

Положение брахманов в индийском обществе всегда было особым. Сами они подчеркивали, что брахманом нельзя «стать», «брахманство» нельзя получить как награду ни от какого правителя. Законы Ману гласят: «Брахман считается творцом (мира), карателем, учителем, благодетелем» (Законы Ману, XI, 35). А основания для подобного понимания формулируются следующим образом: «Вследствие своей исключительности, превосходства происхождения, соблюдения ограничительных правил и особенностей посвящения брахман – владыка варн» (Законы Ману, X, 3). Поэтому, утверждает традиция, брахманы и обладают неограниченной властью над членами нижних варн, поэтому они называют себя «опорой общества» и «тенью бога». Только брахман может быть учителем, руководителем, проповедником, наставником. Законы Ману называют шесть дозволенных для брахманов занятий: «обучение, изучение Вед, жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздача даров и получение милостыни» (Законы Ману, I, 88).

Выступая перед зарубежной аудиторией, Вивекананда намеренно оценивает неадекватно статус брахмана в индийском обществе. В Индии он много раз подвергал брахманов самой жесточайшей критике за пренебрежение интересами масс, за откровенный обман своих бесправных соотечественников.

7. Известны так называемые грихьясутры, описывающие правила исполнения домашних обрядов, церемоний по тем или иным случаям (например, во время свадьбы, при беременности, во время погребального обряда и т.д.), а также дхармашастры, подробно излагающие обязанности и права членов каждой варны. Наиболее известная из них – Законы Ману.

силы осуществлению этой цели.

Когда он был еще совсем ребенком, умер его отец; мальчика послали в школу. Мальчик-брахман должен учиться в школе, так как законы его касты позволяют ему лишь ученые профессии. Старая система образования в Индии, все еще преобладающая во многих частях страны (особенно в том, что касается саньяси), во многом отлична от современной системы. Ученики не должны были платить⁸. Считалось, что знание столь священо, что никто не должен его продавать. Знание следует давать свободно, без какой-либо платы. Учителя не брали с учеников денег; более того, большинство учителей еще и обеспечивало своих учеников едой и одеждой. Материальную поддержку учителя получали от богатых семей, которые преподносили им подарки по случаю различных событий, например, свадебных торжеств или траурных церемоний. За учителями признавалось преимущественное право на получение определенных даров; они же в свою очередь должны были содержать своих учеников. Так вот, когда происходили свадебные торжества, особенно в богатых семействах, местным учителям посылались приглашения, и они, почтив свадьбу своим присутствием, заводили ученые разговоры на разные темы. Мальчик, о котором я рассказываю, попал однажды на одно такое собрание, на котором обсуждались различные предметы, вроде логики или астрономии, предметы, превосходящие разумение детей его возраста. Но, как я уже сказал, этот мальчик был необычный, и он извлек из того, что услышал, такой урок: «Вот он плод их знаний. Почему они так яростно спорят между собой? Просто ради денег: тот, кто покажет себя самым ученым, получит лучшие дары. И это все, к чему они стремятся. Я не буду больше ходить в школу». Он выполнил свое решение, и на том кончилась его школьная учеба.

Но у него был старший брат, человек ученый и сам учитель, который взял юношу с собой в Калькутту, чтобы там позаботиться о его образовании. Однако вскоре юноша окончательно убедился в том, что цель всякого светского образования – всего лишь материальная выгода и ничто иное, и поэтому он твердо решил оставить учебу и посвятить себя исключительно поискам духовного знания. Поскольку отца уже не было в живых, семья совсем обеднела, и юноша должен был сам зарабатывать себе на жизнь. Он отправился в одно из предместий Калькутты и стал там храмовым жрецом. Быть жрецом в храме считается очень унижительным для брахмана. Наши храмы – это не церкви в западном смысле слова, это не места для общественных богослужений, потому что, строго говоря, в Индии вообще нет такой вещи, как общественное богослужение. Храмы в Индии возводятся в основном богатыми людьми, так как это считается похвальным деянием с точки зрения религии.

Если у человека есть большое состояние, он может пожелать выстроить храм. В храме он помещает символ или изображение какого-либо воплощения Бога и посвящает данный храм преклонению во имя Бога. Поклонение это похоже на богослужебные обряды в римско-католических церквях, например, на чтение определенных фраз из священных книг во время мессы, размахивание светильником перед божественным изображением и оказывание этому изображению других знаков внимания, словно великому человеку. Вот и все, что происходит в храме. Человек, посещающий храм, не считается лучше того человека, который никогда храм не посещает. Более того, человек, не посещающий храм, считается более религиозным, потому что религия в Индии – это личное дело каждого. В каждом доме есть или небольшая часовня, или отдельная комната, куда человек приходит утром и вечером, тихо садится и совершает свое богослужение. Это богослужение – исключительно внутреннее, никакой другой человек не слышит и не знает, что делает совершающий такое богослужение. Сторонний наблюдатель увидел бы, что человек просто сидит и, может быть, по-особому двигает пальцами или закрывает ими ноздри, регулируя дыхание особым способом. Обо всем остальном такой сторонний наблюдатель ничего знать не может; даже жена, вероятно, ничего не знает. Так богослужение совершается в уединении, в собственном доме. Те, кто не имеет средств на собственную часовню у себя дома, идут на берег реки, или озера, или моря, если они живут недалеко от моря, но иногда люди идут и в храм, чтобы поклониться божественному изображению. На том и кончается их долг по отношению к храму. Поэтому в нашей стране с древнейших времен, согласно законам Ману, считалось, что быть храмовым жрецом – унижительно⁹. В некоторых книгах говорится, что это занятие столь унижительно, что обратившийся к нему брахман достоин осуждения. Дело в том, что здесь, как и в случае с учителями, но еще с большей остротой, поскольку речь шла о религии, получение храмовыми жрецами денег за свою работу воспринималось как торговля святынями, торговля тем, чем торговать не должно. Поэтому вы можете представить себе чувства юноши, который из-за бедности вынужден был избрать единственную открытую для него стезю, то есть стать храмовым жрецом. ❖

8. Как идеал такая система обучения действительно описывается в индийской литературе, Согласно предписанным установлениям, ученик должен находиться в доме учителя с первого до последнего дня обучения. По мере сил он помогает его семье в домашней работе; соответственно обучение ничего не стоит родственникам ученика. Возможен и несколько иной вариант: учитель не берет вознаграждения от семьи ученика, но пропитание его воспитаннику обеспечивают остальные члены общины: в одном доме ученик ежедневно присоединяется к обедающим, в другом - его снабжают старой одеждой, в третьем – он может жить, если окажется, что в доме учителя слишком тесно.

9. Храмовый жрец иначе называется «жрец, обслуживающий идолов», или (как считают комментаторы) «живущий приношениями идола», или, возможно, «изготавливающий идолов». Его общества следует избегать так же, как желательно не общаться с лекарями, продавцами мяса и пр. (Законы Ману, III, 152; 180).

Шри Рамакришна.
Калькутта, 1881.

В Бенгалии было немало поэтов, чьи песни распространились в народе; их поют на улицах Калькуты, и в каждой деревне. Большинство из них – песни религиозные, и их главная мысль, присущая, может быть, лишь религиям Индии, – это мысль о богопознании. Нет в Индии ни одной религиозной книги, которая бы не дышала этой мыслью. Человек должен познать Бога, прочувствовать Бога, узреть Бога, заговорить с Богом. Вот что такое религия. Индия полна рассказами о святых людях, лицезревших Бога, имевших видения Бога. Подобные представления составляют основу религии индийцев; и все эти древние книги и писания созданы людьми, которые входили в непосредственный контакт с духовными фактами. Эти книги были написаны не для интеллектуального восприятия, и никакими интеллектуальными усилиями их не понять, потому что они были написаны людьми, лицезревшими то, что они описывали, и книги эти могут быть поняты лишь теми людьми, которые поднялись на такую же высоту. Эти книги говорят, что есть такая вещь, как богопознание, даже в пределах этой жизни, и оно доступно каждому; и религия начинается с открытия в себе этой способности (если можно так выразиться) к богопознанию. Такова центральная идея всех религий, и вот почему иногда бывает так, что некий человек, в совершенстве владеющий искусством оратора или обладающий самой убедительной логикой, проповедует самые высокие

идеи и тем не менее не способен заставить людей выслушать себя; а в то же время другой, бедный человек с трудом говорит на языке своей собственной родины, и тем не менее добрая половина его народа поклоняется ему как Богу еще при его жизни. В Индии, если так или иначе распространяется весть, что некий человек достиг вершины богопознания, что для него религия – это уже не область догадок, что он уже больше не бредет на ощупь в темноте, а имеет ясные ответы на вопросы о бессмертии души и о Боге, то увидеть такого человека приходят люди отовсюду и постепенно начинают поклоняться ему¹⁰.

В храме было изображение «Матери, исполненной блаженства»¹¹. Юноша должен был совершать богослужение утром и вечером, и постепенно одна мысль завладела его сознанием: «Есть ли что-либо за этим изображением? Правда ли, что существует во вселенной Мать Блаженства? Правда ли, что она живет и правит вселенной, или все это лишь фантазии? Реальна ли вообще религия?»

Вот какие сомнения пришли к этому индусскому юноше. Подобные сомнения характерны для нашей страны: реально, действительно, действенно ли то, что мы делаем? Никакие теории нас не удовлетворяют, хотя под рукой всегда есть почти любые теории из тех, что когда-либо были разработаны относительно Бога и души. Ни книги, ни теории не могут нас удовлетворить; единственная мысль, которая овладевает тысячами индийцев, – это мысль о богопознании. Правда ли, что есть Бог? И если это правда, могу ли я лицезреть Его? Могу ли я познать и осуществить истину? Человек Запада может счесть все это очень непрактичным, но для нас это в высшей степени практические, жизненные вопросы. Потому что ради этой идеи богопознания люди готовы отдать собственные жизни. Как я вам уже сказал, с древнейших времен были такие люди, которые оставляли удобную и даже роскошную жизнь, чтобы жить в пещерах; сотни людей покидали свои дома и предпочитали им горькие слезы нищеты на берегах священных рек, чтобы только осуществить эту идею богопознания; не знания в обычном смысле слова, не интеллектуального понимания, не простого рационалистического постижения реальности, не блуждания в темноте, но именно интенсивного богопознания, богоощущения, гораздо более реального, чем ощущение этого мира нашими чувствами. Вот такая это идея. Я не буду сейчас выносить никакого оценочного суждения об этой идее; я всего лишь хочу подчеркнуть огромную ее важность для индийцев. Тысячи могут погибнуть ради нее, другие тысячи будут готовы погибнуть. Ради этой идеи целый народ в течение тысяч лет самоотверженно приносил себя в жертву. Ради этой идеи тысячи индусов каждый год оставляют свои дома, и многие из них гибнут из-за тягот, которые выпадают на их долю.

Западному сознанию все это должно казаться визионерством, и я могу понять такую точку зрения. Но, хоть я и сам жил на Западе, я тем не менее думаю, что эта идея – самая практичная и жизненная.

Каждый миг, в который я думаю о чем-либо ином, – это потеря для меня, даже если речь идет о чудесах земной науки; все то тщетно, что уводит меня от этой идеи, от размышлений о ней. Ведь жизнь – это лишь миг, обладаете ли

10. В Индии существует стойкая традиция так называемого «даршана» (лицезрения праведника или статуи Бога). Считается, что общество мудреца само по себе благобно: оно может даже повлиять на смягчение накопленной человеком кармы. «Даршан» (точнее было бы говорить «даршана») – это как бы «вглядывание»: тот, кто берет «даршан», впивается глазами в того, кто дает ему «даршан», он смотрит на праведника или изображение Бога не мигая, сосредоточив все свои душевные силы на том, чтобы впитать исходящую от них благодать. В современной Индии существует много храмов, в которых за большие деньги разрешается на несколько минут лицезреть какое-нибудь особенно почитаемое изображение Бога.

11. Имеется в виду богиня Кали, «Черная», «Гонительница» (иначе Ума, Дурга, Парвати), супруга Шивы. В этой ипостаси она выступает как одна из форм «силы» Шивы.

вы знанием ангела или невежеством животного. Жизнь – это лишь миг, нищий ли вы в лохмотьях или самый богатый человек на свете. Жизнь – это лишь миг, живете ли вы бездомным на большой улице в одном из больших городов Запада или вы коронованный император и правите миллионами других людей. Жизнь – это лишь миг, обладаете ли вы прекрасным здоровьем или больны. Жизнь – это лишь миг, будь вы по природе утонченным поэтом или отъявленным злодеем. Есть лишь одно решение проблемы жизни, говорит индус, и решение это – в том, что называется Богом и религией. Если это верно, жизнь становится объяснимой, жизнь становится выносимой, жизнь становится наслаждением. В противном случае жизнь – всего лишь бесполезное бремя. Такова наша мысль, но никакими рассуждениями ее не доказать; рассуждениями можно лишь представить ее как возможную, не более того. В любой области знания наибольшее, на что способно рациональное рассуждение, – это представить некий факт как возможный, вероятный, не более того. Самые доказуемые факты физической науки – это всего лишь вероятности, но еще не факты в полном смысле слова. Факты – это то, что дано в ощущениях, в наших чувствах. Факты должны быть прочувствованы, и мы должны прочувствовать религию, чтобы доказать ее самим себе. Мы должны ощутить Бога нашими чувствами, чтобы убедиться в том, что Бог есть. Мы должны прочувствовать факты религии, чтобы знать, что это действительно факты. Ничто другое, никакие рациональные рассуждения, но единственно наши собственные чувства могут сделать это реальным для нас, могут сделать мою веру твердой, как скала. Такова моя мысль, и такова мысль Индии.

И эта мысль настолько завладела юношей, что вся его жизнь сосредоточилась на ней. День за днем он повторял в слезах: «Мать, правда ли, что Ты существуешь, или все это – поэзия? Мать, исполненная блаженства, – что это: выдумка поэтов и обманутых людей или подлинная Реальность?» Мы видели, что книжного образования, образования в нашем смысле слова, у него не было совсем, поэтому тем естественней, тем здоровее было его сознание, тем чище его мысли, не замутненные мыслями других людей. Он не посещал университет и поэтому думал самостоятельно. Из-за того, что мы провели половину жизни в университете, наши головы полны мешаниной из чужих мыслей. Верно сказал профессор Макс Мюллер в той статье, которую я уже цитировал: это был чистый, первородный, самобытный человек; и секрет его самобытности в том, что он никогда не был в стенах университета. Так или иначе, эта мысль – можно ли узреть Бога – завладела его сознанием и набирала силу день ото дня, пока он стал не в состоянии думать о чем-либо ином. Он уже не мог вести богослужение как следует, не мог уже выполнять обряды, соблюдая все должные мелочи. Часто он забывал поставить еду перед изображением Матери; иногда забывал помахать перед ним светильником, иногда же махал этим светильником час за часом и забывал обо всем прочем.

И все та же мысль была в его сознании каждый день: «Правда ли, что Ты существуешь, о Мать? Почему Ты не отвечаешь? Не мертва ли Ты?» Возможно, некоторые из нас, здесь присутствующих, вспомнят, что и в нашей жизни бывают моменты, когда, устав от унылой и мертвой логики, устав корпеть над книгами (которые в конце концов ничему нас не учат и становятся не чем иным, как своего рода интеллектуальным опиумом: без регулярного потребления его мы умираем), устав от всего этого, мы взываем из глубины души: «Неужели нет никого во всей вселенной, кто может показать мне свет? Если Ты есть, покажи мне свет. Почему Ты не отвечаешь? Почему Ты столь недостижим, почему посылаешь столь многих Посланцев, но не приходишь ко мне сам? В этом мире расколов и распрей за кем мне следовать, кому верить? Если Ты – Бог каждого мужчины и каждой женщины, почему же Ты не приходишь, не говоришь с Твоим ребенком, чтобы удостовериться, что он готов [ко встрече с Тобой]?» Наверное, ко всем нам приходят такие мысли в минуты великого уныния; но соблазны, окружающие нас, столь велики, что в следующий момент мы уже забываем об этих мыслях. На какой-то миг показалось, что врата небес вот-вот раскроются; на какой-то миг показалось, что мы вот-вот погрузимся в свет лучезарный; но животный человек вновь стряхивает с себя эти ангельские видения. И мы опять опускаемся в нашу животную жизнь: едим, пьем и умираем, умираем, пьем и едим снова и снова. Но есть исключительные души, которые не так просто сворачивают с пути, которые, раз избрав этот путь, не возвращаются назад, каковы бы ни были прельщения и соблазны, которые хотят узреть Истину, зная, что жизнь конечна. Они говорят, пусть жизнь пройдет в благородной борьбе, а какая борьба более благородна, чем борьба с низменным человеком-животным, чем разрешение проблемы жизни и смерти, добра и зла?

В конце концов ему стало невозможно больше служить в храме. Он покинул храм, удалился в небольшую рощу неподалеку и стал жить там. Об этом периоде своей жизни он много раз рассказывал мне, вспоминая, что тогда он не замечал ни восходов, ни закатов солнца, ни того, как сам он живет. Он совсем забыл о себе, забыл о пище. В течение всего этого времени за ним с любовью присматривал один из родственников, вкладывавший ему в рот пищу, а он механически проглатывал ее.

Так он проводил дни и ночи. Когда кончался день и к вечеру до рощи доносился звон храмовых колоколов вместе с голосами поющих богомольцев, юношу охватывала печаль, и он взывал со слезами на глазах: «О Мать, еще один день прошел впустую, и Ты не пришла. Еще один день этой короткой жизни прошел, а я не познал Истину». В душевной муке он порой бросался лицом на землю и плакал, и одна лишь мольба срывалась с его уст: «О Мать вселенной, яви Себя мне! Смотри, мне нужна лишь Ты и ничего кроме Тебя!» Он слышал прежде, что Мать никогда

не приходила, пока человек не отрекался от всего во имя Ее. Он слышал, что Мать хотела бы прийти к каждому, но люди не стремились узреть Ее, люди предпочитали молиться разным глупым маленьким идолам, люди предпочитали предаваться своим удовольствиям, но стоило им действительно всем существом захотеть встречи с Нею и ничего иного, как Она в тот же миг являлась. И вот он, будучи одержим все той же мыслью, решил осуществлять ее до мельчайших деталей быта. Он выбросил все, даже самые мелкие предметы, которые составляли его собственность, и дал обет никогда не прикасаться к деньгам. Этот обет: «Я не прикаснусь к деньгам», – стал частью его существа. Это может показаться чем-то оккультным, но даже в последующие годы, когда он спал, а я прикасался к нему денежным знаком, его рука сгибалась, а все тело как будто сковывал паралич. Другая мысль, завладевшая его сознанием, заключалась в том, что еще один враг – это похоть. Человек – это душа, а душа не имеет пола, она ни мужчина, ни женщина. Чувственные помыслы и помыслы о деньгах – вот что, думал он, мешало ему узреть Мать. Вся эта вселенная – проявление Матери, и Она воплощена в теле каждой женщины, «Каждая женщина – это Мать; могу ли я думать о женщине лишь как об объекте полового влечения?» Такова была его мысль. Каждая женщина была его Матерью, он чувствовал, что должен достичь такого состояния, при котором он в каждой женщине видел бы только Мать; и он осуществил эту мысль в своей жизни.

Такова была великая жажда, завладевшая сердцем этого человека. Позже он говорил мне: «Дитя мое, представь себе, что в одной комнате – мешок с золотом, а в соседней комнате – вор. Думаешь, вор сможет уснуть? Конечно, не сможет. Он все время будет думать о том, как проникнуть в ту комнату и заполучить то золото. Так думаешь ли ты, что человек, твердо уверенный в том, что есть Реальность за всей этой видимостью, что есть Бог, что есть Единый, никогда не умирающий, Единый, который есть бесконечное блаженство, блаженство, по сравнению с которым все удовольствия чувств – всего лишь игрушки, думаешь ли ты, что такой человек может оставаться спокойным и не стремиться достичь Этого? Может ли он хоть на миг остановить свои усилия? Нет. Он сойдет с ума от напряженного желания». Это божественное безумие овладело юношей¹². В то время у него не было учителя, никого, кто бы мог дать ему какие-либо наставления, и все думали, что он просто сошел с ума. Это в порядке вещей. Если человек отбрасывает от себя всю суету мирскую, его называют сумасшедшим, но на самом деле такие люди – соль земли. Именно из такого безумия возникали силы, приводившие прежде наш мир в движение, и лишь из такого безумия возникнут силы будущего, которым предстоит приводить наш мир в движение.

Так проходили дни, недели, месяцы в постоянном стремлении души достичь истины. Юноша начал видеть видения, видеть чудесные вещи; тайны его природы начали раскрываться ему. Как будто снимали одну завесу за другой. Сама Мать стала его наставницей и посвятила юношу в те истины, которые он искал.

В это время туда пришла женщина, прекрасная собой и обладавшая необычайными познаниями. Позже этот святой человек, бывало, говорил, что она не обладала знанием, но была воплощением знания; она была само Знание, принявшее человеческий облик. Вот еще одна особенность индийцев. Посреди невежества, в котором прозябают обычные индусские женщины, посреди того, что Запад называет отсутствием свободы, могла появиться женщина высочайшей духовности. Она была саньясини, ибо женщины у нас тоже могут отречься от мира, отказаться от всякой собственности, не вступать в брак и посвящать себя поклонению Господу. Итак, она пришла; и когда она услышала об этом юноше, живущем в роще, она захотела отправиться в эту рощу и увидеть его; и от нее он впервые получил помощь и поддержку. Эта женщина сразу поняла его мучения и сказала ему: «Сын мой, благословен человек, к которому приходит такое безумие. Весь этот мир безумен: одни помешаны на богатстве, другие – на удовольствиях, третьи – на славе, четвертые – на тысяче других вещей. Люди помешаны на золоте, на мужьях или женах, на всяких пустяках, на том, чтобы тиранить других, на том, чтобы еще больше разбогатеть, на любой глупости, кроме Бога. И люди способны понимать только свое безумие. Когда другой человек помешан на золоте,

12. Традиция исходит из того, что «страстное желание освободиться» (джиджняса), которое и описано здесь, может появиться не у каждого человека. Многие люди находятся на такой стадии духовного развития, когда они еще далеки от осознания истинного основания сущего. Они проходят череду перерождений, постепенно (в идеале) приближаясь к такому состоянию, когда отодвигаются на задний план все мирские интересы, что были так важны раньше. Богопознание понимается как глубоко индивидуальный акт, «заставить», «научить» этому никому не по силам. Только гуру может помочь искателю знания продвинуться на этом пути, но в полной мере «научить» он тоже не может.

В индийской традиции считается, что только учитель (гуру) может подвести искателя истины к высшему знанию. Надо иметь в виду содержание самого понятия «знание» – это «высшее» знание, оно не соотносится с изучением природного мира и законов его функционирования: речь идет о духовном знании, получить которое можно только от учителя, а не от книги. Однако учитель может только подвести ученика к правильному пониманию истинной первоосновы мира, передать ему свои знания учитель не может. Переживание единения с Высшим понимается как глубоко индивидуальный акт, и передать то чувство, которое испытывает познающий Истину, никто не в состоянии, точно так же, как никому не под силу передать другому человеку то наслаждение, которое он испытывает при виде красивого пейзажа, цветка или при чувстве влюбленности. Учителем может быть только тот, кто уже познал Высшее. Но и учеником может быть далеко не каждый: считается, что, если ученик уже близок к познанию истинной первопричины мира, он обязательно встретится с тем, кто продвинет его на этом пути. Широко известно высказывание: «Когда чела (ученик) готов, учитель непременно появится».

они сочувствуют и симпатизируют ему, они говорят, что он правильный, нормальный человек, подобно тому как лунатики считают нормальными только лунатиков. Но если человек безумен от любви к Возлюбленному, к Господу, как они могут понять такое? Они считают, что такой человек сошел с ума, и говорят: «Мы не имеем с ним ничего общего». Вот почему они называют тебя безумным; но твое безумие – это безумие истинное. Благословен человек, обезумевший Господом. Мало таких людей на свете».

Эта женщина оставалась рядом с юношей в течение нескольких лет, она учила его религиям Индии в их разнообразных формах, она посвятила его в различные виды йогической практики и как бы направила в гармоничное русло мощную реку его духовности.

Затем в ту же рощу пришел некий саньяси, один из странствующих нищих Индии, человек ученый, философ. Он был весьма своеобразный человек, он был идеалист. Он не верил в то, что этот мир действительно существует; и чтобы подтвердить это свое неверие, он никогда не заходил под крышу, всегда жил под открытым небом, и во время ливней, и во время жары. Этот человек начал учить юношу философии Вед, но очень скоро, к своему изумлению, обнаружил, что ученик был в некоторых отношениях мудрее учителя. Он провел с юношей несколько месяцев, после чего дал ему посвящение в саньяси и удалился¹³. ❖

13. Переход в саньяси – очень серьезное событие в жизни последователя индуизма. Нужно, чтобы в саньяси «посвятил» кто-нибудь из саньяси же (чаще всего требуется два человека), при этом новый саньяси приобретает именно к тому направлению индуизма, в которое входит тот, кто посвящал его. Вступающий на этот путь совершает девять специальных жертвоприношений, десятое – за самого себя; он в последний раз возжигает огонь (потом ему это будет запрещено), вдыхает священный дым, отбрасывает священный шнур дважды рожденного (у него уже не будет права на его ношение – он выходит из этого мира, где существуют кастовые предписания), выбрасывает те вещи, что у него есть, выбривает голову, оставив на ней только одну прядь, окунается в воду, делает несколько шагов по земле и произносит священную формулу «ом бхух саньястам майя...» (дословно: «мною сотворено саньясинство»). Среди всех церемоний ритуалов, что проделывает последователь индуизма за свою жизнь (посвящение в ученики, свадебные обряды, обряд при зачатии ребенка, при первом кормлении его твердой пищей и пр.), посвящение в саньяси – предпоследнее. После него идет только один – тот, что совершается после смерти около погребального костра.

Индийская традиция разработала систему четырех ступеней, ашрамов, соответствующих четырем стадиям человеческого существования: *брахмачарья* (ученичество), *гарха-стхья* (жизнь домохозяина), *ванапрастхья* (жизнь в лесу, в уединении), *саньяса* (отшельничества и сосредоточение мыслей на постижении Высшего). Последние две стадии часто объединяются. В идеале предполагается, что последователь индуизма, принадлежащий к высшим варнам, переходит от одной стадии к другой, приобретая соответственно новые права и обязанности. Вместе с тем не исключался и переход, скажем, от стадии ученичества к стадии отшельничества. Молодыми саньяси были многие видные религиозные мыслители древности и средневековья, саньяси был и Вивекананда.

Сарада Деви.
Святая Мать.
Жена Шри Рамакришны.

Когда он еще был храмовым жрецом и люди из-за его причуд во время богослужения думали, что он повредился в уме, родственники однажды забрали его домой и женили на маленькой девочке, полагая, что женитьба направит его мысли в другом направлении и восстановит равновесие его психики. Но он вернулся в свой храм и, как мы видели, еще глубже ушел в свое безумие. В нашей стране иногда бывает так, что мальчики и девочки вступают в брак совсем детьми¹⁴ не по собственному выбору; их женят родители. Конечно, подобный брак вначале – это не более чем обручение. Муж и жена продолжают жить со своими родителями, и брак по-настоящему осуществляется лишь тогда, когда жена подрастает. Тогда, согласно обычаю, муж забирает свою невесту из ее родительского дома в свой собственный. Однако в данном случае муж совершенно забыл о том, что у него есть жена. Девушка жила довольно далеко. Она слышала, что муж ее стал очень религиозным человеком и что многие даже считают его сумасшедшим. Она решила сама узнать всю правду и пешком отправилась туда, где пребывал ее муж. Когда в конце долгого пути она предстала перед собственным мужем, он сразу признал ее право на его жизнь, хотя в Индии всякий, кто

посвящает себя религиозной жизни, будь то мужчина или женщина, тем самым считается освобожденным от всех иных обязательств. Молодой человек упал в ноги своей жены и сказал: «Мать показала мне, что она живет в каждой женщине, поэтому я теперь смотрю на каждую женщину как на Мать. Так я отношусь и к тебе. Но если ты хочешь втянуть меня в мирскую жизнь, поскольку меня женили на тебе, то я в твоём распоряжении».

Девушка была чиста и благородна душой и была способна понять устремления мужа, сочувствовать им. Она сразу сказала, что не желает втягивать его в мирскую жизнь; все, что она хочет, – это остаться подле него, служить ему и учиться у него. И она стала одним из его самых преданных учеников и всегда чтילה его как божественное существо. Так с согласия жены было устранено последнее препятствие, и он был свободен вести ту жизнь, которую избрал для себя.

Тогда душу этого человека охватило новое желание: узнать всю правду о различных религиях. До той поры он не знал никакой иной религии, кроме своей собственной. И вот он захотел понять, что представляют собой другие религии. Поэтому он стал искать учителей других религий. Вам следует всегда помнить, что под учителями в Индии мы имеем в виду не книжных червей, но людей, осуществивших богопознание, таких, которые знают истину из первых рук, а не через каких-либо посредников. Он отыскал магометанина, человека святого, и пошел к нему в ученики. Он делал все, что предписывал ему учитель, и, к своему удивлению, обнаружил, что эти методы богопознания, искренне и преданно исполняемые, приводили его к той же цели, которой он уже достиг. К такому же заключению он пришел, следуя истинной религии Иисуса Христа. Он обращался ко всем сектам, какие только мог найти, и в каждом случае отдавался их вере всем своим сердцем. Он делал в точности то, что предписывала данная секта, и всегда приходил к тому же результату. Так, на собственном опыте он узнал, что цель всех религий одна и та же, что все они пытаются учить одному и тому же, а разница заключается главным образом в методе и еще более в языке. В сущности, все секты и все религии имеют одну цель, а спорят и ссорятся они лишь из-за корысти: споры вызваны не заботой об истине, а заботой о приоритете «своего имени». Например, два человека проповедуют одну и ту же истину, но первый человек говорит про второго: «Его слова не могут быть истинны, потому что я не утвердил их моим именем. Поэтому не слушайте его». А второй человек говорит про первого: «Не слушайте его! Хотя он и проповедует, в общем-то, то же самое, но все же это не истина, потому что он проповедует не от моего имени».

Вот что понял мой Учитель, и тогда он стал учиться смирению, потому что он нашел, что одна общая идея во всех религиях такова: «не я, но Ты»; – и кто говорит «не я», тому Господь наполняет сердце. Чем меньше этого мелкого «я», тем больше в человеке Бога. Он нашел эту истину во всех религиях мира и стал осуществлять ее в своей жизни. Как я уже говорил вам, он никогда не ограничивался прекрасными теориями, но стремился немедленно осуществить задуманное на практике. Мы видим, как многие произносят расчудесные речи о милосердии и равенстве, о правах других людей и обо всем таком прочем, но все это остается теорией. Мне посчастливилось: я нашел человека, который умел воплощать теорию в жизнь. У него была удивительная способность осуществлять на практике то, что он считал правильным.

14. Считается, что детские браки вошли в практику сравнительно поздно. Согласно гимнам Вед возраст невесты далеко не детский; эпос дает много примеров сваямвары (выбора жениха самой невестой). Но уже в дхармаштрах чаще всего утверждается, что предпочтительный возраст при вступлении девушки в брак – до наступления зрелости. Позиция Законов Ману двойственная: есть примеры предписаний ранних браков (8 - 12 лет) (Законы Ману, IX, 4, 94), есть и указания на необходимость совершения браков в зрелом возрасте (Законы Ману, IX, 90). Поздние смрити настаивали на очень ранних браках, называя желательным даже четырехлетний возраст невесты. Как правило, детские браки – это сговор родителей. Многие общественные деятели XIX в. вели активную борьбу за право девушки самой выбирать себе супруга, выступали с резкой критикой так называемого «детского вдовства» (смерть нареченного делала вдовой девочку и в том случае, если брак фактически еще не состоялся).

Так вот, неподалеку жила семья неприкасаемых. Неприкасаемых в Индии несколько миллионов. Этим людей считают такими низкими, что, согласно некоторым нашим книгам, если брахман, выходя из дома, увидит лицо неприкасаемого, он должен будет пропоститься целый день и прочитать определенные молитвы, чтобы снова стать чистым. В некоторых индусских городах есть такой обычай, что неприкасаемый должен появляться на людях с вороньим пером в волосах – в знак того, что он неприкасаемый, и должен при этом громко кричать: «Берегитесь, по улице идет неприкасаемый!» Люди разбегаются от него, словно по волшебству, потому что если кто-нибудь случайно прикоснется к нему, то должен будет переодеться, мыться и совершать разные обряды. А неприкасаемые в течение тысяч лет верили, что так оно и должно быть; верили, что их прикосновение делает других нечистыми. Так вот, мой Учитель стал приходить в дома неприкасаемых и просить, чтобы ему разрешили навести в доме чистоту. Как раз традиционное занятие неприкасаемых – это уборка улиц в городах и уборка домов. Неприкасаемый не должен входить в дом через переднюю дверь; он входит в дом с черного хода, а как только он уходит, все те места, по которым он ступал, опрыскиваются водой из Ганга, чтобы они снова стали чистыми. В силу своего рождения брахман олицетворяет чистоту и святость, а неприкасаемый – все противоположное. И вот брахман просит разрешения убраться в доме неприкасаемых. Конечно же, неприкасаемые не могли ему позволить это, потому что все они думали, что разрешить брахману такое – это ужасный грех, сулящий им погибель. Неприкасаемые не давали ему разрешения, и вот глубокой ночью, когда все кругом спали, Рамакришна сам, бывало, входил в какой-нибудь дом. У него были длинные волосы, и он подметал пол своими волосами, говоря: «О моя Мать, сделай меня слугой неприкасаемых, заставь меня почувствовать, что я еще ниже, чем они». «Те чтут меня наилучшим образом, кто чтит моих почитателей. Они все – мои дети, и для тебя честь – служить им» – так учит индусское писание¹⁵.

Были и разные другие приключения, рассказ о которых занял бы слишком много времени, а я сейчас хочу дать вам лишь общий очерк его жизни. В течение многих лет он образовывал себя. Одна из его садхан¹⁶ заключалась в том, чтобы искоренить сознание пола. Душа не имеет пола, душа – не мужчина и не женщина. Пол присущ лишь телу, и человек, который стремится к жизни духа, не может в то же самое время держаться за различия пола. Рожденный с телом мужчины, этот человек захотел внести во все женское начало. Он стал представлять себя женщиной, одевался, как женщина, говорил, как женщина, оставил все мужские занятия и жил в доме на женской половине, среди женщин одного почтенного семейства; и после нескольких лет такой самодисциплины его сознание переменялось, он совсем позабыл о самой идее пола; изменилось все его миропредставление.

На Западе мы слышим о поклонении женщине, но обычно ей поклоняются за ее молодость и красоту. Этот же человек под поклонением женщине имел в виду то, что для него лицо каждой женщины было ликом Матери, исполненной блаженства, и ничем иным. Я сам видел, как этот человек подходил к женщинам, которые были отверженными в глазах общества, падал к их ногам и говорил, обливаясь слезами: «О Мать, в одном своем обличье Ты – на улице, а в другом Ты – вселенная. Я поклоняюсь Тебе, Мать. Я поклоняюсь Тебе».

Подумайте о блаженстве той жизни, из которой исчезло все плотское, когда на каждую женщину можно смотреть с любовью и благоговением, когда лицо каждой женщины преобразуется и на нем сияет лишь лик Божественной Матери, Исполненной Блаженства, Защитницы рода человеческого. Вот в чем мы нуждаемся. Не думаете ли вы, что божественную природу женщины можно обмануть? Нет, никогда. Эта божественная природа всегда и всюду утверждает себя. Она безошибочно разоблачает обман, разоблачает лицемерие; она безошибочно чувствует тепло истины, свет духовности, святость чистоты. Такая чистота абсолютно необходима, если мы хотим достичь истинной духовности. ❖

15. Бхагавадгита обстоятельно излагает, почему ошибочно видеть истинно сущее в том, что изначально есть преходящее, вечное: разрушению подвержено тело человека, но не его душа, сопричастная вечному. В этом смысле все миропоявление как бы «объято» Высшим Пурушей, и в этом смысле «все - его дети». Однако Бхагавадгита четко разъясняет и путь преодоления «заблуждения»: это следование своему долгу, определенному священными книгами («Да будут шастры твоим мерилом... познав предписание шастры, ты должен совершать свои дела», Бхагавадгита, XVI, 24), а они, в свою очередь, предполагают жесткую систему кастовых прав и обязанностей, в которых не может быть места служению неприкасаемым. Представленная трактовка Бхагавадгиты принципиально нова: выдвигаются требования нового отношения к человеку и его месту в обществе, при этом в качестве обоснования приводятся священные тексты в собственном толковании Рамакришны (или Вивекананды).

16. Садхана - особые виды религиозной практики, целостный комплекс определенных правил поведения, призванные обеспечить осуществление религиозной цели.

Шри Рамакришна.
Дакинешвар, 1884.

Именно такая строгая, незапятнанная чистота вошла в жизнь этого человека. Все борения, которыми наполнена наша жизнь, для него стали делом прошлого. Добытые тяжким трудом драгоценности духа, ради которых он отдал три четверти своей жизни, теперь можно было отдавать человечеству; и тогда началась его миссия.

Его учение и проповедь были своеобразными. В нашей стране учитель-наставник – это в высшей степени почитаемый человек, к нему относятся как к Богу. Мы даже меньше чтим отца и мать. Отец и мать дают нам тело, а наставник указывает путь к спасению. Мы – его дети, мы в духе рождаемся от наставника. Все индусы приходят на поклонение к выдающемуся наставнику, толпами собираются вокруг него. И вот появился такой учитель-наставник, но он сам и не думал о том, что ему должны поклоняться, он совсем не считал себя великим учителем, он думал, что все совершает Мать, а вовсе не он сам. Он всегда говорил: «Если я говорю что-то стоящее, то это говорит Мать. При чем здесь я?» Таково было его представление о своей деятельности, и он держался этого представления до самой смерти. Этот человек никогда ничего и никого не домогался. Его принцип был таков: формируй свой характер, свою личность, обретай духовность, и результаты придут сами собой. Он любил пояснять этот принцип так: «Когда цветок лотоса раскрывается, пчелы сами прилетают к нему за медом; поэтому пусть полностью рас-

кроется лотос твоего характера, твоей личности – и результаты воспоследуют сами собой». Таков преподанный им великий урок.

Мой учитель повторял мне этот урок сотни раз, но я часто забываю его. Мало кто понимает силу мысли. Если человек уйдет в пещеру, замкнется в ней, продумает некую действительно великую мысль и умрет, то эта мысль пройдет сквозь стены пещеры, провибрирует сквозь пространство и в конце концов охватит весь род человеческий. Вот какова сила мысли. Поэтому не спешите сообщать ваши мысли другим. Сначала обретите то, что стоит сообщать. Лишь тот учит, кому есть что сообщить; потому что обучение – это не просто говорение, обучение – это внушение тех или иных доктрин, обучение – это общение. Духовность можно сообщить другому, приобщить к ней другого, точно так же, как я могу дать вам цветок. Это верно в самом буквальном смысле. Мысль эта издревле известна в Индии, и на Западе она находит иллюстрацию в теории апостольской преемственности, в вере в такую преемственность. Поэтому прежде всего сформируйте характер, сформируйте свою собственную личность, это наивысший долг, который вы можете выполнить. Познайте Истину сами, и тогда появятся многие, кому вы эту Истину сможете сообщить; они все сами придут. Такова была установка моего Учителя. Он никого не критиковал. В течение нескольких лет я жил рядом с этим человеком, но никогда не слышал, чтобы его уста произнесли слово осуждения в адрес какой-либо секты. Он понимал все секты и всем сочувствовал; он обнаружил гармонию между ними. Человек может быть интеллектуален или эмоционально-набожен, он может быть мистиком-созерцателем или практиком, человеком дела; различные религии представляют тот или иной из этих человеческих типов. Но возможно и сочетать в одном человеке все четыре типа, именно это сделает человечество в будущем. Такова была его идея. Он никогда не осуждал, но видел добро во всех.

Люди приходили тысячами, чтобы увидеть и услышать этого удивительного человека; он говорил на деревенском диалекте, каждое слово которого было исполнено силы и света. Ведь дело не в том, что говорится, и еще меньше, на каком языке это говорится, главное – это личность говорящего, которая проявляется во всем, что он говорит. Всем нам приходится сталкиваться с этим время от времени. Бывает так, что мы выслушиваем превосходные речи, великолепные логические рассуждения, но забываем их, как только возвращаемся домой. А бывает, что услышим несколько слов на самом простом языке, и эти слова входят в нашу жизнь, становятся частью нас самих, оказывают на нас неизгладимое влияние. Чтобы слова имели такую силу, человек должен вложить в них свою личность, и сама эта личность должна обладать немалой мощью. Всякий процесс учения подразумевает отдачу и получение; учащий дает, а учащийся получает. Но учащий должен иметь что дать, а учащийся должен быть способен получить.

Этот человек жил около Калькутты, столицы Индии, города, где находился крупнейший в нашей стране университет, из стен которого ежегодно выходили сотни скептиков и материалистов. Однако многие из университетских выпускников, скептиков и агностиков, приходили и слушали этого человека. Я тоже услышал о нем и отправился его послушать. Он выглядел как совсем обыкновенный человек, ничего особенно примечательного в нем не было. Он говорил самым простым языком, и я подумал: «Разве этот человек может быть великим учителем?» Я пробрался к нему поближе и задал ему вопрос, который прежде я уже задавал другим на протяжении всей моей сознательной жизни: «Верите ли вы в Бога, господин?» – «Да», – ответил он. «Можете ли вы доказать это, господин?» – «Да». – «Как?» – «Я вижу Его так же, как вижу вас здесь, но только еще отчетливей и ярче». Это сразу произвело на меня

сильное впечатление. Впервые я встретил человека, который имел смелость говорить, что он видит Бога, что религия – это реальность, которую можно ощутить, можно прочувствовать бесконечно более отчетливо и ярко, чем мы ощущаем этот мир. Я стал приходить к этому человеку день за днем, и я в самом деле убедился, что религию, веру, можно передать от человека к человеку. Одно прикосновение, один взгляд могут изменить всю жизнь. Я читал о Будде, Христе и Мухаммаде, обо всех этих светочах древности, которые могли сказать человеку: «Встань и иди»¹⁷ – и человек вставал и шел. Теперь я убедился, что это правда, и, когда я своими глазами увидел этого человека, весь мой скептицизм развеялся. То, о чем я прежде лишь читал, могло быть совершенно в действительности, и мой Учитель часто говорил: «Религию можно передать и воспринять гораздо более осязательно, более реально, чем что-либо иное в этом мире». Поэтому будьте прежде всего духовны; имейте что дать, а потом встаньте перед миром и дайте это ему. Религия – это не разговоры, не доктрины или теории; это и не сектанство. Религия не может существовать в сектах или организациях. Религия – это отношения между душой и Богом; как можно превратить ее в организацию?

Тогда религия выродится в бизнес. А там, где появляется бизнес и принцип бизнеса в религии, там умирает духовность. Религия – это не воздвижение храмов, или строительство церквей, или участие в публичных богослужениях. Религию не найти ни в книгах, ни в словах, ни в лекциях, ни в организациях. Религия – это постижение. Ведь все мы знаем, что нас ничто не удовлетворит, пока мы сами не постигнем истину. Сколько бы мы ни рассуждали, сколько бы мы ни слушали других, одно лишь удовлетворит нас, и это одно – наше собственное постижение. И подобный опыт возможен для каждого из нас, если мы только по-настоящему попытаемся. Первый шаг на этом пути постижения религии – самоотречение. Мы должны практиковать самоотречение настолько, насколько это вообще в наших силах. Тьма и свет, наслаждение миром и наслаждение Богом несовместимы. «Не можете служить Богу и мамоне»¹⁸. Пусть, кто хочет, пытается это делать. Я видел миллионы людей в разных странах, которые пытались это сделать; но в конце концов такие попытки ни к чему не приводят. Верно сказано: отрешитесь от всего ради Господа. Это дело трудное и долгое, но начать его можно здесь и теперь. Шаг за шагом мы должны идти к этой цели.

Еще одна идея, воспринятая мною от моего Учителя, идея, может быть, самая главная, – это та чудесная истина, что религии мира не противоречат друг другу и не враждебны одна другой, что все они – лишь различные фазы Одной Вечной Религии; эта Одна Вечная Религия применяется к различным планам существования, применяется к мнениям различных умов и различных народов. Никогда не было моей религии или вашей религии, моей национальной религии или вашей национальной религии; никогда не существовало многих религий, была и есть только одна. Одна бесконечная религия существовала извечно и будет существовать вечно, и эта религия выражает себя по-разному в разных странах. Поэтому мы должны уважать все религии, и мы должны стараться принять их все, насколько это возможно. Религии разнятся не только в зависимости от народа и географического положения, но и в зависимости от индивидуальных способностей. В одном человеке религия проявляется как энергичная деятельность, как работа, в другом – как глубокая набожность, в третьем – как мистицизм, в четвертом – как философия и т. д. И неверно говорить другим: «Ваши методы неправильны». Один человек, чья природа – любовь, может думать, что другой человек, делающий добро людям, идет к религии неправильным путем, потому что это не тот путь, который признает правильным он сам; но такой человек не прав. Философ, который думает: «Ах, бедные, невежественные люди, что они знают о Боге любви, что они понимают в любви к Нему? Ничего-то они не знают и не понимают!» – такой философ не прав, потому что и они могут быть правы, и он.

Надо понять эту главную тайну, что истина может быть одна и множественна в то же самое время, что у нас может быть различное видение той же самой истины с различных точек зрения, – вот что надо понять, вот что надо сделать. Тогда вместо вражды по отношению ко всем другим у нас будет сочувствие ко всем. Зная, что, покуда в этом мире люди рождаются разными, одна и та же религиозная истина будет нуждаться в различных адаптациях, зная это, мы будем понимать, что должны относиться терпимо друг к другу. Подобно тому как природа – это единство в многообразии: мир явлений бесконечно многообразен, но в основе его лежит Бесконечное, Неизменное, Абсолютное Единство, – так и в каждом человеке микрокосм есть всего лишь уменьшенное воспроизведение макрокосма; несмотря на все многообразие, и микрокосм, и макрокосм пронизаны вечной гармонией, и мы должны познать ее. Я считаю, что именно эта идея, более, чем какая-либо иная, есть жгучая потребность нашего времени. Родившись в стране, которая представляет собой как бы рассадник религиозных сект и в которую – на ее счастье или на ее несчастье – каждый, у кого есть какие-либо религиозные идеи, хочет послать своих представителей и проповедников, я с детства был знаком с различными религиозными сектами всего мира. Даже мормоны приезжали в

17. См.: Евангелие от Матфея, 9, 5-6; Евангелие от Марка, 2, 11; Лк, 5, 23-24.

18. См.: Евангелие от Матфея, 6, 24; Евангелие от Луки, 16, 13.

Индию¹⁹, чтобы проповедовать свою веру. Добро пожаловать всем! Это именно та земля, на которой можно и должно проповедовать религию. Здесь она пускает корни лучше, чем в какой-либо другой стране. Если вы придете и будете проповедовать индусам политику, они вас не поймут; но если вы придете проповедовать религию, сколь угодно причудливую, вы и оглянуться не успеете, как у вас будут сотни и тысячи последователей и у вас будет вполне реальный шанс стать живым Богом во плоти. Я рад, что это так; это именно то, что нам нужно в Индии.

У индусов великое множество разнообразных сект, и некоторые из них на первый взгляд безнадежно противостоят друг другу. Однако представители всех сект скажут вам, что они – лишь различные проявления одной религии. «Подобно тому как разные реки, берущие начало в разных горах и текущие разными – кривыми или прямыми – путями, в конце концов стекаются к океану и соединяют в нем свои воды, так и разные секты со своими разными воззрениями в конце концов все сходятся в Тебе»²⁰. Это не просто теория, это должно быть признано и принято, но только не с тем покровительственным видом, который бывает у некоторых людей: «О да, в этом есть доля истины. Это то, что называется этническими религиями. Этнические религии, несомненно, содержат в себе кое-что ценное». Иные же придерживаются той чудесной либеральной идеи, что другие религии – это разные осколки доисторической эволюции, а «наша религия – это завершение и вершина». Один говорит, что его религия наилучшая, потому что она самая древняя; другой же утверждает, что наилучшая религия у него, потому что она самая новая. Мы должны признать, что каждая религия имеет такую же силу спасения, как и любая другая. А то, что вы слышите об их различиях, в храме ли, в церкви ли, – все это лишь груда суеверий. Один Бог у всех, и ни вы, ни я и никакая группа людей не могут быть ответственны за безопасность и спасение даже мельчайшей частицы души; за всех несет ответственность тот же самый Всемогущий Бог. Я не понимаю, как люди могут заявлять, что верят в Бога, и в то же время думать, что Бог вручил всю истину целиком маленькой группе людей, что именно эта группа – попечительница остального человечества. Разве можно называть это религией? Религия – это постижение; просто разговоры – попытки верить, блуждания в потемках, механическое повторение слов, унаследованных от предков, и почитание этого за религию, использование религиозных истин в политических целях – все это вовсе не религия.

В каждой секте, даже среди магометан, которых мы всегда считаем наиболее замкнутыми в себе, даже среди них мы видим, что если появлялся человек, пытавшийся действительно постичь и осуществить религию, то из его уст исходили пламенные слова: «Ты – Господь всех, Ты – в сердцах всех, Ты – вождь всех, Ты – Учитель всех, и Ты заботишься о земле детей Твоих бесконечно больше, чем это когда-либо способны сделать мы сами». Не пытайтесь разрушать ничью веру. Если можете, дайте человеку что-нибудь лучшее; если можете, станьте рядом с человеком там, где он стоит, и дайте ему импульс для движения вверх; сделайте это, но не разрушайте то, что у человека уже есть. Истинный учитель – лишь тот, кто может в одно мгновение принять любое из тысячи разных обликов. Истинный учитель – лишь тот, кто может мгновенно спуститься на уровень своего ученика, перенести свою душу в душу ученика, видеть его глазами, слышать его ушами, понимать его умом. Только такой учитель может поистине научить. А все эти отрицающие, сокрушающие и разрушающие учителя, которых так много в мире, никогда не сделают ничего доброго. В общении с моим Учителем я узнал, что человек может быть совершенен, даже оставаясь во плоти. Его уста никогда никого не проклинали, даже никогда никого не порицали. Его глазам было невозможно видеть зло, его ум утратил способность мыслить злое. Он видел одно лишь добро. Эта безграничная чистота, это бесконечное самоотречение и есть тайна духовности. «Ни с помощью богатства, ни с помощью потомства, но лишь одним самоотречением достигается бессмертие»²¹, – говорят Веды. «Продай все, что имеешь, раздай деньги нищим и следуй за Мною»²², – говорит Христос. Так говорили все великие святые и пророки, и они претворяли эти слова в жизнь. В самом деле, можно ли достичь великой духовности без такого самоотречения? Самоотречение – это основа всякой религиозной мысли, где бы она ни возникла, и вы всегда увидите, что если идея самоотречения ослабевает, то чувственность вторгается в сферу религии и в той же мере убывает духовность.

19. Мормоны, называющие себя «святыми последнего дня», – секта в Америке, основанная Дж. Смитом (1805–1844). Он опубликовал в 1830 г. «Книгу Мормона», утверждая, что это есть дешифровка и перевод писем (позднее исчезнувших) израильского пророка Мормона, переселившегося в Америку в числе других израильтян, то есть родоначальников американских индейцев. «Книга Мормона» представляет собой соединение элементов многих учений, в основном ислама, иудаизма, христианства, а также мифологии древних.

20. Конкретный источник приведенной цитаты не выявлен, но образ, использованный здесь, традиционен (Чхандогья-упанишада, X, 1; Мундака-упанишада, II, 2, 8; Прашна-упанишада, VI, 5 и др.). Однако древнеиндийская традиция, формулируя идею о путях, ведущих к слиянию с Наивысшим, имела в виду только учения, зародившиеся в рамках ведийской культуры. Вопрос об истинности мировых религий (ислама и христианства) в их сопоставлении с индуизмом начал осмысляться в Индии не ранее XIV в. Вивекананда, формулируя свое собственное понимание соотношения религий, излагает его как искони присутствующее индийской культуре.

21. Общее место для теистических Упанишад, например Нараяния-упанишада, IV, 21; Кайвалья-упанишада, 2.

22. Пересказ Евангелия от Матфея, 19, 21; Евангелия от Марка, 10, 21; Евангелия от Луки, 18, 22.

Этот человек был воплощенным самоотречением. В нашей стране человек, становящийся саньяси, должен отречься от всякого мирского имущества и состояния, и мой Учитель выполнил это правило буквально. Было много людей, которые сочли бы за великое благословение возможность собственноручно принести ему какой-нибудь дар, которые с радостью дали бы ему тысячи рупий, если бы он эти деньги принял, но именно таких людей он отвергал. Он был великим примером и живым воплощением полного торжества над чувственными помыслами и алчностью к деньгам. Он был за пределами и того, и другого, и подобные люди необходимы для нашего века. Подобное самоотречение необходимо в наши дни, когда люди стали думать, что они не могут прожить и месяца без удовлетворения того, что они называют своими «потребностями», день ото дня чрезмерно растущими. Необходимо, чтобы в такое время появился человек, способный показать всем скептикам мира, что есть еще люди, не ставящие ни во что и золото, и славу мирскую. И подобные люди еще действительно есть.

Шри Рамакришна.
Калькутта, 1879.

Еще одной главной идеей его жизни была огромная любовь к людям. Первая часть жизни моего Учителя была посвящена стяжанию духовности, а в оставшиеся годы он раздавал эту духовность людям. В том, что касается общения с религиозными наставниками, или с саньяси, обычаи в нашей стране не такие, как у вас. Люди запросто приходят к ним с разными вопросами, некоторые могут пройти пешком сотни миль только для того, чтобы задать один вопрос и услышать в ответ одно лишь слово. «Скажи мне одно лишь слово для моего спасения», – вот ради чего люди идут к наставнику. Они приходят толпами, без всяких церемоний, туда, где обычно пребывает тот или иной наставник; например, он сидит под деревом, и люди подходят к нему и задают вопросы; и только уйдут одни, приходят другие. Таким образом, если человека очень почитают, у него иногда нет отдыха ни днем, ни ночью. Ему порой приходится непрерывно говорить. Час за часом люди могут идти и идти к нему, и он должен давать им наставления.

И к моему Учителю люди шли толпами, чтобы услышать его, и ему случалось говорить по двадцать часов в сутки, и это не один день, но месяц за месяцем, пока в конце концов тело его не надломилось под тяжестью этого огромного напряжения. Его любовь к человечеству не позволяла ему отказывать в помощи даже самому последнему из тех тысяч людей, которые искали его поддержки. Постепенно у него развилась опасная для жизни болезнь горла, но его нельзя было убедить воздерживаться от подобных

напряжений. Как только он слышал, что кто-то пришел и хочет его видеть, он настаивал на том, чтобы пришедшего впустили к нему, и отвечал на все его вопросы. В ответ на увещевания он говорил: «Мне все равно. Я бы отдал двадцать тысяч таких тел, чтобы помочь одному человеку. Великая заслуга – помочь хотя бы одному человеку». Он не ведал отдыха. Однажды некий посетитель спросил его: «Господин, вы – великий йог, почему вы не хотите направить силу вашего сознания хотя бы в малой степени на ваше собственное тело и излечить болезнь?» Сначала он ничего не ответил, но, когда вопрос был задан повторно, он мягко сказал: «Друг мой, я думал, что вы мудрый человек, а теперь вы говорите, как все другие люди. Мое сознание отдано Господу. Не хотите ли вы сказать, что я должен востребовать его обратно и снова направить в собственное тело, которое всего лишь клетка для души».

Так он продолжал проповедовать людям, и разнесся слух, что его тело скоро прекратит свое существование, и люди стали приходить к нему еще большими толпами, чем прежде. Вы не можете себе представить, как это бывает в Индии с великими религиозными наставниками, как люди буквально толпятся вокруг них и делают из них живых богов. Тысячи приходили и ждали своей минуты, чтобы только прикоснуться к краю его одежды. Именно такое поклонение духовности в другом и порождает духовность. Чего человек желает, чему он поклоняется, то он и обретает; и то же самое с народами. Если вы придете в Индию и выступите с политической лекцией, сколь угодно прекрасной и возвышенной, вы едва ли найдете людей, желающих вас слушать. Но придите в Индию и учите религии, живите религией, а не только говорите о ней, и сотни людей будут толпиться вокруг, чтобы только посмотреть на вас, чтобы прикоснуться к вашим стопам. Когда люди слышали, что этот святой человек, вероятно, вскоре их покинет, они стали приходить к нему еще в большем количестве, чем прежде, и мой Учитель продолжал наставлять их, совсем не думая о своем здоровье. Мы не могли воспрепятствовать этому. Многие люди приходили издалека, и он не согласен был отдыхать, прежде чем не ответит на их вопросы. «Пока я в силах говорить, я должен наставлять их», – слышали мы от него, и он не отступал от своего слова. Однажды он сказал нам, что оставит свое тело сегодня, и, повторяя самое священное слово Вед, он погрузился в самадхи и скончался – это было 16 августа 1886 года.

Очень немного было таких, кто знал в полной мере его мысли и его духовное наследие и способен был поведать их миру. Среди прочих он оставил нескольких юношей, отрешившихся от мирской жизни и готовых продолжать его дело. Предпринимались попытки сокрушить, сломить их. Но они твердо стояли на своем, вдохновляясь примером той великой жизни. Имея за плечами годы общения с той благословенной жизнью, они не сдавали своих позиций. Эти юноши жили как саньяси, собирая милостыню на улицах того города, в котором они родились, хотя некоторые из них происходили из весьма знатных семейств. Сначала они встретили большое сопротивление, но проявили упорство

и день за днем распространяли по всей Индии идеи этого великого человека, пока вся страна не узнала эти идеи и не прониклась ими. Этот человек, родившийся в глухой бенгальской деревне, без всякого образования, одной лишь силой своей воли постиг истину и передал ее другим, оставив после себя нескольких юношей, чтобы поддерживать и распространять ее.

Сегодня имя Шри Рамакришны Парамахамсы известно по всей Индии миллионам людей. Более того, энергия этого человека распространилась уже за пределы Индии, и если когда-либо и где-либо в этом мире я сказал слово истины, слово духовности, я обязан этим моему Учителю; только ошибки – мои.

Вот что говорит Шри Рамакришна современному миру: «Не заботьтесь о доктринах, не заботьтесь о догмах, или сектах, или церквях, или храмах; они мало что значат по сравнению с сутью жизни каждого человека, а суть эта – духовность; и чем более развита в человеке духовность, тем более способен он к добру. Прежде всего обретайте духовность, стяжайте ее и не порицайте никого, потому что во всех доктринах и верованиях есть нечто доброе. Показывайте на примере вашей жизни, что религия – это не слова, не имена, не секты, что религия – это духовная реализация. Только те могут понять, кто испытал и прочувствовал. Только те, кто достиг высот духовности, могут сообщить о ней другим, могут поделиться ею с другими, могут быть великими учителями человечества. Только они – силы и источники света».

Чем больше подобных людей появляется в стране, тем выше поднимается такая страна. А страна, в которой подобных людей нет совсем, просто обречена – и ничто ее не спасет. Поэтому вот что говорит мой Учитель человечеству: «Будьте духовны и постигайте истину сами». Он хотел, чтобы вы отдавали себя ради блага людей. Он хотел, чтобы вы перестали говорить о любви к ближнему и подтвердили эти слова делом. Настало время для самоотречения, для реализации; и тогда вы увидите гармонию между всеми религиями мира. Вы поймете, что нет нужды ни в каких спорах и раздорах, и только тогда вы будете готовы помочь человечеству. Провозгласить и разъяснить единство, лежащее в основе всех религий, – вот в чем была миссия моего Учителя. Другие учителя учили каждый своей религии и давали этим религиям свои имена, но этот великий учитель XIX века не имел никаких личных притязаний. Он оставил нетронутыми все религии, потому что он постиг, что в действительности все они – неотъемлемые части одной вечной религии. ❖